

РАКИТЯНСКИЙ Николай Митрофанович

О ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ

*Об авторе:
Доцент кафедры политической психологии Московского
Государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Кандидат психологических наук.*

В любой стране, а в России особенно, практически все значимые политические явления в большей степени зависимы, чем независимы, от психологии верховных правителей, т. к. политика – явление, в первую очередь, психологическое, и она не может существовать без субъекта. Поэтому первопричины политических решений и действий, кроме обстоятельств объективного порядка, надо искать еще и в психологических качествах, в закономерностях психики политических руководителей, в изменениях их психических состояний и свойств из-за нарушений либо внутренней, либо внешней среды.

В России с ее многовековыми традициями авторитаризма личность правителя имеет особое значение, так как у нас до сих пор реально мало что зависит от политических партий, парламента, общественного мнения и других политических и социальных институтов. Поэтому личность политического руководителя в нашей стране еще долго будет вызывать неослабевающий интерес. Этот интерес невозможно удовлетворить без научного изучения личностных качеств политических деятелей и побудительных мотивов их действий.

Известно, что **массовое сознание тяготеет к упрощению исключительно сложной политической реальности**. В отношении политиков ему свойственна редукция, стереотипизация и примитивная оценочность. Научный же подход, развитая политическая рефлексия позволяют адекватно описать политика как целостную личность.

Без знания психологических свойств и качеств руководителя, особенностей и противоречий его личности невозможно понять закономерности его поведения, и, следовательно, невозможен системный анализ его прошлых действий и ошибок, а также прогноз тенденций его поведения в значимых политических ситуациях.

Мы исходим из того, что основным инструментом политического руководителя страны и государства в реализации его планов, замыслов, идей и вожеланий является его *личность*. От действий этого *инструмента*, от уровня гражданской, политической и духовной рефлексии, от соответствия политико-психологических качеств, *масштаба личности* государя масштабу тех политических задач, на реализацию которых он претендует, в значительной, а иногда и в решающей мере зависят результаты его правления.

Важным методом изучения личности политического деятеля является **метод построения психологического портрета – психологическое портретирование**. Круг потребителей аналитической продукции психологов, которой можно дать общее название «психологический портрет», сегодня весьма широк. К ее использованию прибегают не только субъекты политического процесса, хозяйствующие субъекты, но и дипломаты, военные, криминалисты, прокурорские работники, спецслужбы и т. д.

Интересно отметить, что психологический портрет как таковой имеет в России более чем вековую историю. Этот жанр в нашей стране был намечен еще В. О. Ключевским. В конце XIX – начале XX вв. замечательный русский ученый профессор П. И. Ковалевский публикует психологические портреты Ивана Грозного, Петра I, Петра III, Павла I, генералиссимуса Суворова и многих других. Профессор В. Ф. Чиж дает яркие психологические портреты императора Павла I, А. Аракчеева, архимандрита Фотия Спасского. Несколько позже, в 20-е годы, Г. И. Чулков выпускает в свет книгу «*Мятежники 1825 года*», содержащую восемь психологических портретов деятелей декабристского движения, а в книге «*Императоры*» объединяет психологические портреты пяти русских царей – от Павла I до Александра III.

Но в течение многих десятилетий – с середины 20-х и практически до конца 80-х годов прошлого века – психологические исследования политических явлений не проводились. Если они и были, то носили весьма узкий характер. Россия на десятилетия оказалась единственной страной, не имеющей профессиональных психологических биографий своих руководителей.

Лишь в начале 80-х годов последовал заказ политическим психологам на психологический портрет Рональда Рейгана. Подготовленный портрет позволил оценить сильные и слабые человеческие стороны американского президента. Такая работа потребовала отказа от записок в стиле агитпропа и прорисовки нюансов личности и поведения Рейгана. С этого момента руководители Советского Союза стали постоянными заказчиками психологических портретов американских политиков. Такие исследования проводились специалистами из Института США и Канады АН СССР, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка и других научных учреждений. Объединяло эти работы стремление советских лидеров **получить информацию о личности политического партнера для наиболее эффективного взаимодействия с ним.**

В научном сообществе страны развивались *методы психологического анализа личности политических деятелей*. Эти методы позволяли оценить их без непосредственного вступления в контакт. Использовались не только модификации психобиографии. Политические психологи активно работали с методами анализа текстов речей и документов, исходящих от политика. Ими был создан ряд оригинальных технологий, позволяющих оценить личность политика по видеозаписям, определить его характер по употребляемым лексическим формам.

Изучение личностных особенностей ведущих политических деятелей России дает возможность *выявлять* их психологические качества, позволяет *распознавать* (диагностировать)¹ и *прогнозировать* их политическое поведение. Это особенно важно и актуально в нашей непредсказуемой стране. Интерес к результатам политико-психологического портретирования не ослабевает даже с учетом того, что *диапазон достоверности* психологического диагноза может быть весьма узок, а *прогностический эффект* может быть с точностью «до наоборот», зачастую принимая откровенно спекулятивный характер.

Вместе с тем, без попыток реального, научно обоснованного изучения психологических особенностей политика невозможно понять *закономерности его поведения*. Следовательно, невозможен *прогноз тенденций* его политического поведения в значимых для нашей страны и общества ситуациях.

Проблема психологического изучения личности политического деятеля – одна из наиболее сложных проблем. Эта сложность усугубляется множественной детерминацией, идеологизированностью оценок личностей политиков, мифологизацией, а иногда и мистификацией их деятельности. Эта

проблема усложняется практикой использования в политической жизни страны различных методов манипулирования общественным сознанием. Методов, которые психологи называют приемами **тайного принуждения, или рефлексивным управлением**².

Проблема еще и в том, что личность политика в реальной жизни – практически *недоступный объект* для непосредственного инструментального психологического изучения. Политики не любят и опасаются психологической диагностики, не желают, чтобы их обследовали. Более того, многие из них боятся объективного взгляда на себя. Они не заинтересованы в том, чтобы информация об их психологическом статусе и личностных особенностях, о сильных и слабых сторонах стала достоянием других. При этом они справедливо полагают, что эта информация может быть использована им во вред.

Вместе с тем, несомненно полезна политико-психологических исследований для самих политиков. Современное общество предполагает пристальное внимание граждан к фигурам представителей властных элит, требует относительной прозрачности их профессиональной деятельности. Опубликование такого рода исследований приучает политические элиты к тому, что они – не только особая каста, а члены общества, которые осуществляют политический менеджмент. Именно по этой причине они вызывают повышенный интерес граждан. Значительная часть жизни представителей политических элит проходит на виду у всей страны. И не только уже привычное око СМИ вторгается в их жизнь – они сами становятся объектом научного «препарирования».

В принципе, большое разнообразие поведения политиков может быть описано и объяснено при помощи довольно ограниченного числа основных свойств личности – неких психологических инвариантов, например таких, как «Я-образ», мотивы и потребности, влияющие на политическое поведение; система политических убеждений; особенности мышления; стиль принятия политических решений; стиль руководства; стиль межличностных отношений; устойчивость к стрессу и т. д.

Психологическое портретирование политика, *распознавание* его реального образа осуществляется в большинстве случаев заочно, опосредованно – **методами дистанционного анализа**³.

² Рефлексивное управление определяется как процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому. Это передача оснований, из которых выводится predetermined решение. Рефлексивное управление – это целенаправленное воздействие на экран сознания. Цели и способы могут быть произвольными. Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов представляют собой рефлексивное управление. Это управление не за счет прямого навязывания противнику своей воли, а за счет передачи ему оснований, из которых тот как бы дедуктивно выведет predetermined другим противником решение. См.: Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Советское радио, 1973; Лефевр В. А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991.

³ Ракитянский Н. М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Столичный град, 2001.

¹ Ракитянский Н. М. Проблема психодиагностики российских политиков // Общественные науки и современность, № 6, 1995.

Набор методов *дистанционной диагностики* включает в себя метод наблюдения, метод обобщения независимых экспертных оценок и характеристик, анализ истории развития личности (психобиография), анализ результатов деятельности (различного рода публикации, выступлений и т. д.), психосоматологический анализ и т. д.

В качестве основного используется метод наблюдения и так называемая *безбланковая* диагностика, когда исследователь работает с параметрами классических тестовых методик, но добывает эмпирический материал без бланков, посредством наблюдения, экспертных оценок и других доступных процедур. Такая диагностика требует большого опыта и высокого мастерства специалиста. Для анализа и обобщений широко привлекаются также публицистические материалы, данные социологических опросов и другие формы сбора данных.

Все эти методы применяются в реализации двух основных методологий исследования личности политика: **подхода, ориентированного на выделение черт личности политика, и типологического подхода**. Каждая методология по-своему решает проблему *адекватности* при описании конкретного субъекта политики.

Подход, ориентированный на выделение черт личности политика, предполагает существование набора базисных качеств – т. н. *психологических черт личности*. Эти черты методами лингвистического и математического анализа (факторизации) объединяются в *факторы*. Полученные личностные *черты-факторы* имеют важное *диагностическое* и *прогностическое* значение для оценки поведения политика.

Психологи-практики используют набор примерно из 20-ти *черт-факторов*. Назовем лишь *некоторые* из них. В число наиболее *прогностически значимых* входит такая *черта-фактор*, как **эмоциональный статус**. *Эмоциональный статус* определяет уровень *эмоциональной зрелости* политика, его способность управлять своими эмоциями, чувствами, настроениями, желаниями и страстями. **Эмоциональная зрелость** проявляется в способности направлять свои чувства и желания в конструктивное русло, контролировать внутренние напряжения, в умении подчинить свои эмоции достижению цели, способности разобраться в себе и своих чувствах. Высокие оценки по этому фактору имеют такие политики, как В. Геращенко, Ю. Лужков, Е. Примаков, М. Шаймиев, В. Путин.

Эмоциональный статус политика связан с его «Я-образом» («Я-концепцией»), они находятся в прямой и жесткой зависимости: цельный, развитый, дифференцированный самообраз предполагает высокий эмоциональный статус лидера. Знание реального «Я-образа» имеет *прогностическое* значение. Политический лидер в любой ситуации, за редким исключением, ведет себя в соответствии с собственным «Я-образом».

К **эмоциональной незрелости (инфантильности)** восходят такие крайне нежелательные для политика черты, как неуравновешенность, непредсказуемость, амбициозность, капризность, потворство

желаниям, неадекватная оценка реальности, зависимость от окружения и т. д.

Психологи считают, что, например, **деспотизм и жестокость являются осевым проявлением эмоционального инфантилизма**⁴. Одно из самых памятных проявлений эмоционального инфантилизма власти в варианте «жестокости» произошло в 1992 году, когда правительство молодых реформаторов Егора Гайдара проводило свои реформы большевистскими методами. Можно в этой связи вспомнить и другие проявления инфантилизма и жестокости власти. Например, мы можем задать себе вопрос: насколько чеченская трагедия изначально обусловлена политикой, а насколько – инфантилизмом операторов власти.

Другие *черты-факторы* не менее значимы в качестве психодиагностического инструмента для системного анализа личности политика. В ряду ключевых факторов можно назвать **волевой статус** политика. Он является одним из наиболее влиятельных психологических механизмов. На нем основано воздействие лидера на своих последователей⁵.

Фактор Маккиавелли. Он характеризует **социальный интеллект** политика, его дипломатические способности, уровень психологической проницательности, способность адекватно оценить партнера, способность быть оператором рефлексивного управления партнером и оппонентом. Высокие баллы по этому фактору имеют такие политики, как А. Волошин, А. Чубайс, В. Геращенко.

Черта, известная как фактор **экстраверсии-интроверсии**. С его помощью можно довольно точно определить информационно-энергетические характеристики политика, некоторые интеллектуальные особенности, гибкость или жесткость в принятии решений, его стрессоустойчивость, особенности общения с близким и дальним окружением. В политической истории нашей страны *экстравертами* были: Ленин, Троцкий, Бухарин, Хрущев, Горбачев, Ельцин (американцы: Эйзенхауэр, Кеннеди, Рейган, Клинтон). *Интровертами*: Николай II, Дзержинский, Молотов, Суслов, Андропов, Косыгин, Черненко (в США: Никсон, Форд, Картер).

Наряду с активным применением методологического подхода с позиций *черт-факторов* активно используется **типологический подход**. При типологическом подходе исходят из постулата, что *тип личности политика является целостным образованием*. Он не сводится к комбинации отдельных личностных черт-факторов. Этот подход ориентирован на выделение типов личности политических лидеров и представляет собой группировку их типов. Любая психологическая типология политических деятелей определяется *целями и задачами* проводимого исследования. Поэтому количество психологических типов политиков зависит от того, сколько

⁴ Кемпинский А. Психопатология власти. В кн.: Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998. с. 33 – 58.

⁵ Шестопап Е. Психологический профиль российской политики 1990-х годов. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. с. 211.

задач ставится перед исследователями-психологами. Способность психолога ориентироваться в многочисленных типологических концепциях, где каждый тип обладает своей *областью адекватности*, усиливает диагностические возможности исследователя, в частности, за счет сокращения *ошибок по неведению*.

В качестве примера типологии рассмотрим типы политиков, которых мы можем, вслед за Ю. М. Лотманом, назвать политиками *семиотической* и *семантической* доминант. Этим типам соответствуют определенные клише сознания и политического поведения.

Семиотический тип политика ориентирован на игру знаками и виртуальными образами. Такими образами, как коммунистическое общество, развитой социализм, перестройка, ускорение, общечеловеческие ценности (М. Горбачев). Или – свобода, демократия, рыночная экономика, гражданское общество и т. д. (Б. Ельцин). **Семантический тип политика** ориентирован на взаимодействие с реальностью. Для него характерно потребление и производство строгой информации. Эта информация адекватно отражает политическую реальность, она соотносима с технологиями практического действия. Лидерам такого типа необходима выверенная информация, отражающая реальный опыт и переводимая на язык технологий и решений (князь А. М. Горчаков, Ф. Рузвельт, И. Сталин).

Напротив, деятельность, характерная для политика *семиотической* доминанты, все больше насыщается неопределенными образами и текстами, ведет к виртуализации сознания. У этих политиков соответствующие знаки и символы отрываются от реальной жизни. Они становятся источником небезопасного политического прожектерства. Поэтому проблемы этих политиков, вопреки тому, что обычно о них думают, связаны не только с утратой национальной культурной идентичности, но и с утратой чувства реальности.

У отдельных представителей элитных кругов наблюдается наивысший уровень соответствия *знака и значения, означающего и обозначаемого*. Это редкий случай. Поэтому сознание и поведение этих политиков отличается большей адекватностью и рациональностью.

А. С. Панарин предполагает, что в ответ на крайности нынешней фазы **предельной десемантизации и манипулятивной игры** знаками в скором будущем заявит о себе фаза, отмеченная жесткими привязками знаков и мерами, направленными на восстановление прав реальности и прав опыта⁶.

Другой вариант типологии политических лидеров выделяет **политиков радикальной и центристской доминант**. С точки зрения психолога, тип политического *центриста* и тип политического *радикала* – это полюса некоторого инвариантного континуума. Человечеству как виду для выживания требуется определенное разнообразие психологических типов, которое обозначается с помощью понятия *психоце-*

*ноз*⁷. В этом контексте *центрист* и *радикал* являются определенными типами поведения. Они проявляются не только в политике, но в любой сфере жизнедеятельности.

Центриста можно определить как наиболее дефицитный в нашей стране тип личности. Он характеризуется высокой способностью «*экранировать*» и гасить деструктивные эмоции.

Радикал представляет собой личностный тип прямого, непосредственного реагирования: на вызов он отвечает вызовом, на обиду – «*стратегией массированного возмездия*». **Радикал** эгоистичен и разрушителен, у него преобладает мотив достижения любой ценой. В этом смысле он органично вписывается в современную либеральную концепцию «*морали успеха*». Такая мораль, связанная с максималистской достижительностью, означает ослабление нормативных начал нравственности и возвращение в доцивилизированное состояние.

Скольжение в такое состояние мы наблюдаем в современной России. Если засилье достигательно-эгоистического радикализма не будет преодолено, обществу угрожает развал. Поэтому мы говорим о высокой востребованности альтернативного типа личности, причем не только в политике. Таким типом и является политик *центристской* доминанты. Ему свойственен не одновариантный, а смешанный тип реагирования: мотив избегания неуспеха вместе с мотивом достижения. В политике – это лидер, умеющий оценить всю сложность ситуации, среагировать на противоположные импульсы, вместо того чтобы просто следовать одной доминанте.

Центрист – это сложный тип личности, сочетающий высокий волевой статус с ответственностью и отзывчивостью. В этом смысле он психологически нередко работает на саморазрушение: вместо того, чтобы выталкивать отрицательные импульсы вовне, он гасит их в себе. Вопреки современной апологетике «*естественного эгоизма*», *центристы* выводят нас из естественного состояния в культурное, цивилизационное. Но это – крайне затратная миссия, саморазрушительная стратегия поведения. Вот почему соматическая патология нередко является логическим завершением деятельности *центриста*.

В противоположность этому, **радикалы** эксплуатируют сильные, но грубые эмоции. **Радикал** самоуверен и монологичен. Политический облик типа *радикальной* доминанты коррелирует с такими психологическими качествами, как импульсивность, жесткость, воинствующий индивидуализм и высокий уровень узконаправленной психофизиологической энергии. В политическом контексте политик *радикального* типа чувствует и воспринимает преимущественно его «*энергетические*», а не «*информационные*» свойства. Он *импульсивен*, а не *рефлексивен*. Одна из дисгармоний человеческой природы состоит в том, что **радикалы** в социальном плане более *заразительны*: они обладают

⁶ Панарин А. С. Глобальное информационное общество: вызовы и ответы // Власть, № 1, 2001.

⁷ Юрьев А. И. Системное описание политической психологии. СПб., 1996.

яркой психологической экспрессией. В этом – один из секретов их катастрофического успеха в политике.

Каждая из двух психодиагностических методологий – подход с позиций черт и типологический подход – дает определенную возможность прогнозировать поведение тех политических лидеров, у которых можно выявить те или иные черты или обнаружить соответствие тому или другому психологическому типу.

Эти два подхода объединяет в себе метод психологического портретирования или метод психологического портрета. Психологический портрет строится на основании двух принципов. **Первый принцип – субординационный, или иерархический**, в соответствии с которым более сложные и более общие свойства личности политика подчиняют себе частные социальные и психофизиологические свойства. **Второй принцип – координационный**. В соответствии с ним, взаимодействие личностных свойств осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них⁸.

Создание моделей целостной характеристики личности методом психологического портретирования является актуальной задачей для психологической науки в настоящее время не только в нашей стране, но и за рубежом. Это обусловлено необходимостью решения как теоретических, так и, в значительной мере, прикладных проблем. Так, в американской политической психологии выделяется внушительная группа исследований, на основе которых, как отмечает Е. В. Егорова, американские ученые пытаются создать «более или менее цельный портрет политического лидера, в котором учитывались бы не только его личностные характеристики, но и его интересы, убеждения, влияния среды»⁹. В рамках этих исследований создаются психобиографии конкретных лиц. Т. е. применяется психобиографический метод, который включает такие методы, как вопросники, интервью, наблюдение, контент-анализ, изучение биографических данных.

В этом контексте отметим общие с отечественной психологией тенденции. Во-первых, *прикладная направленность* исследований и *комплексность* создаваемых портретов. Во-вторых, *использование системы методов* получения и обработки данных, необходимых для создания целостного портрета изучаемого человека. В-третьих, создаваемые портреты являются результатом применения и дальнейшего развития *психобиографического* метода.

Интересные с точки зрения практической значимости рассматриваемой темы примеры приводят М. М. Коченов и С. А. Модестов. Так, доктор психологических наук М. М. Коченов выполнял

вместе со своим коллегой профессором А. Р. Ратиновым¹⁰ специальные заказы МИДа СССР по составлению психологических портретов лидеров иностранных государств. Он считает, что «**психологические портреты лидеров государств – особый вид искусства из арсенала всех разведок мира**»¹¹. По данным С. А. Модестова, «возможно, наиболее интересный опыт накоплен в этой области в американских спецслужбах, и прежде всего, в ЦРУ»¹². Этой работой в ЦРУ занимаются «специалисты особого рода». В экспертные группы входят квалифицированные психологи, психиатры, политологи, историки, культурологи и антропологи. В отличие от обычных психологов, им приходится иметь дело со своими объектами *заочно*. Это лишает их такого мощного средства психодиагностики, как тестовые методики. Для опосредованного, *дистанционного психологического диагностирования*¹³ используются вторичные источники, проливающие свет на прошлую жизнь объекта. Восстанавливаются все его прежние связи, интервьюируются знавшие его люди, изучаются все доступные тексты, анализируются мотивы, движущие деятелем, попавшим «под колпак ЦРУ». В итоге появляется *психологический портрет* конкретного человека. С помощью этого портрета должностные лица (политики, дипломаты, военные, разведчики, контрразведчики и т. д.) заранее знакомятся с тем, с кем им придется иметь дело, например, вести переговоры. Они выбирают оптимальную тактику их ведения, пытаются понять возможные «домашние заготовки» своего партнера, *спрогнозировать* его линию поведения. Наконец, отработывают стратегию и тактику *рефлексивного управления* объектом своего интереса.

Вместе с тем, как отмечает С. Модестов, практикуемый американскими специалистами метод психологического анализа личности в применении к конкретным лицам имеет существенные ограничения. По его мнению, он неоправданно упрощает личность изучаемого лица, сводит ее к структуре, понятной исследователям, но отнюдь не исчерпывающей всю ее полноту. Опыт применения метода психологического портрета американскими спецслужбами далеко не всегда положительный. В качестве «провального» примера Модестов приводит скандально известный психологический портрет гаитянского лидера Ж. Аристида.

Тем не менее, в ЦРУ эти исследования продол-

¹⁰ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

¹¹ Коченов М. М. Портреты вождей и преступников // Известия. 25.12.1997.

¹² Модестов С. Возможные кандидаты в президенты России уже «под колпаком». Внимательнее других их изучает разведка США // Независимая газета. 06.04.1996.

¹³ Hermann M. Assessing personality at a distance: A profile of Ronald Reagan. Quart. Report. The Ohio State Univ., 1983, Spring, Vol. 7, No 6; Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: Procedures, portraits, and policy. Political Psychology, 1991, vol. 12, pp. 215 – 247.

⁸ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000, с. 229.

⁹ Егорова Е. В. Прикладные исследования американской политической психологией роли личности буржуазного политического лидера во внешней политике // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. с. 44.

жаются. Из современных лидеров наиболее подробно анализировались личности Ф. Кастро, С. Хусейна, М. Каддафи, С. Милошевича, Х. Рафсаджани, а также руководителей государств, правительств и неформальных объединений десятков государств мира. Аналогичные работы развернуты и в Разведывательном управлении Министерства обороны США (РУМО). Особенно активно психобиографическая портретная галерея стала пополняться государственными и политическими деятелями нашей страны. Наиболее детально в свое время был проработан портрет Никиты Хрущева. Подробно анализировались все члены брежневского политбюро. Потом последовали портреты Николая Тихонова, Михаила Горбачева, Бориса Ельцина. Последним лично занимался руководитель этих работ Джерролд Пост – психиатр, окончивший Гарвардский и Йельский университеты и школу Джона Хопкинса. В настоящее время он руководит программой политической психологии в университете Джорджа Вашингтона¹⁴.

В последнее время методы изучения персоналий в ЦРУ существенно обогатились за счет внедрения *психолингвистических* подходов, *контент-анализа* наличных текстов с помощью ЭВМ. Получаемые представления стали системными и более объективными.

По мнению ведущего аналитика речевого поведения политических лидеров Д. Уинтера (Мичиганский университет), частотный анализ личностных тезаурусов, характерной для данного индивидуума модальности речи, ее насыщенности личными местоимениями и другие способы формализации исследовательских процедур позволяют отделить их от личных пристрастий экспертов. Накапливается обширная документографическая база данных, содержащая тексты, принадлежащие перу ведущих российских политиков.

Как считает Т. Оумстэд, работа над портретами иностранных политических лидеров должна вестись открыто. Тогда, по его словам, можно надеяться на то, что столь часто совершаемые ошибки психологов из ЦРУ или РУМО будут вовремя обнаружены и исправлены¹⁵.

Психологический портрет является одним из ведущих методов изучения личности политического деятеля и представляет собой способ целостного описания *психологических* характеристик, *объективных* социальных и биологических качеств политических лидеров.

Этот метод является инструментом системной *интерпретации* полученных данных о конкретном политике и *описания* их в виде целостной *системы взаимосвязанных конструктов*. В реальной практике процесс составления психологического портрета политика представляет собой последовательное

выдвижение ряда *диагностических гипотез (диагноз-гипотез)* с последующей их *верификацией*. Подготовленный таким образом психологический портрет имеет вероятностный характер. Он, по сути, представляет собой *диагноз-гипотезу*, которая на момент составления способствует решению конкретных задач.

Психологический портрет строится по параметрам личности лидера, наиболее важным **для понимания и опережающего распознавания его политического поведения**. При этом политическими психологами могут решаться различные задачи, например такие, как:

- *выяснение* возможности сотрудничества с политиком, *выявление* и *устранение* предпосылок к конфронтационному взаимодействию с ним;
- *определение* факторов, способствующих установлению и развитию контактов с политиком, и факторов, затрудняющих развитие контактов с ним;
- *анализ* психологических качеств лидера, способствующих его политическому успеху;
- *изучение* особенностей, затрудняющих его политическое развитие;
- *разработка* алгоритмов рефлексивного взаимодействия с политиком, *установление* диапазона возможностей рефлексивного взаимодействия.

Важной задачей является и выявление деструктивных потенциалов того или иного лидера¹⁶.

Последнее десятилетие было временем активного развития методов психодиагностики политических лидеров. В настоящее время подходы практикующих психологов к портретной диагностике отличаются плюрализмом и методологической терпимостью. Вместе с тем, разнообразие методологий, иногда откровенно спекулятивных, а также языков и форм портретирования приводит к появлению большого количества описаний различного качества, иногда весьма сомнительного. Представляется, что профессионально подготовленные политико-психологические портреты должны быть сравнимы и сопоставимы. Они должны быть компактными и удобными для практического использования в условиях ресурсного и временно-го дефицита¹⁷.

В обозримом будущем метод психологического портрета будет применяться **для решения диагностических и прогностических задач, для решения задач рефлексивного управления** различными политическими субъектами. Важнейшей является задача **противодействия рефлексивному управлению**. Метод психологического портрета является важным инструментом политико-психологического анализа в системе методологий и методов политического анализа.

¹⁴ Post J. Personality types political decision-making: Bridging troubled waters. Paper. Wash. George Washington Univ., 1991; Post J. Effects of crisis induced stress on decision in a nuclear environment. Paper. Wash. George Washington Univ., 1991.

¹⁵ Модестов С. Возможные кандидаты в президенты России уже «под колпаком». Внимательнее других их изучает разведка США // Независимая газета. 06.04.1996.

¹⁶ Ракитянский Н. М. Метод построения социально-психологического портрета политика, его место, роль и значение в обеспечении деятельности политических субъектов // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний (материалы конференции). Под ред. Брушлинского А. В. и Лепского В. Е. Российская академия наук. Институт психологии. Москва, 1999, с. 56 – 58.

¹⁷ Ракитянский Н. М. Структура психологического портрета политика // Власть, № 11, 2000.